

Войцехович, Н. В. Влияние светских и религиозных факторов на исход Сицилийского похода афинян / Н. В. Войцехович // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 45-49.

Н. В. Войцехович

ВЛИЯНИЕ СВЕТСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ НА ИСХОД СИЦИЛИЙСКОГО ПОХОДА АФИНЯН

В данном докладе предпринята попытка показать, как интерпретировалась вера в олимпийских богов, которая признавалась и сохранялась полисом, совокупностью всех граждан, для обоснования конкретных военных целей — похода против сицилийских греков, которые исповедовали ту же веру.

Сицилийская экспедиция стала переломным моментом всей Пелопоннесской войны. «Это было важнейшее военное событие не только за время этой войны, но, как мне кажется, во всей эллинской истории, насколько мы знаем ее по рассказам, событие самое славное для победителей и самое плачевное для побежденных», — так она оценена Фукидидом афинской катастрофы (История. VII, 87, 6). Идея осуществления похода в Сицилию была воспринята гражданами с огромным энтузиазмом, хотя у большинства граждан о Сицилии были самые смутные представления. Инициатором похода и душой всех приготовлений был видный политический деятель и стратег Алкивиад, пользовавшийся тогда большим влиянием среди афинских граждан. Алкивиад и еще два стратега — Никий и Ламах — были назначены командующими подготовляемой экспедицией. Никий дважды выступил на народном собрании с целью отговорить афинян от похода.

Влияние религиозных воззрений афинян на ход политических событий Фукидид показывает, характеризуя Никию как придававшего «слишком большое значение предзнаменованиям (theiasmo) и всему тому подобному» (Там же. VII. 50. 4). Плутарх говорит о Никии следующее: «судя по всему остальному складу и образу мыслей этого человека, можно поверить, что подобная угодливость и заискивание перед народом явились следствием его благочестия (eusebeias)». Сам Никий о себе также говорит, что «всегда исполнял то, что положено по отношению к богам» (Там же. VII, 77, 2).

Не перечисляя всех дурных предзнаменований относительно предстоящей экспедиции, приведенных Плутархом, обратим внимание на одно, упомянутое Фукидидом (и повторенное Плутархом): повреждение герм. Это событие заслуживает отдельной статьи, материалы и характеристику его дал Э. Д. Фролов¹. Накануне отправления

¹ Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. Л., 1964.

экспедиции в одну ночь в городе были изувечены лица почти у всех каменных герм. Учитывая характеристики Никия, данные Фукидидом и Плутархом, а именно его благочестивость и суеверность, и настроенность Никия против идеи похода в Сицилию

с самого начала, уместно было бы предположить, что Никий непременно использует повреждение герм, являющееся религиозным преступлением и расцененное как дурное предзнаменование, для отмены решения об отправке экспедиции. Никий же не делает этого. Пауэлл в статье «Религия и Сицилийская экспедиция» причину такого поведения Никия видит в том, что в ходе расследования дела о повреждении герм прозвучало имя его брата Евкрата¹.

С другой стороны, можно предположить, что в случае публичного призыва отменить экспедицию воодушевленный и одержимый замыслом похода демос решит, что повреждение герм — дело рук того, кто противился экспедиции, а таких было немного и в их число входил Никий.

После неудачного нападения на Эпиполы Демосфен и Евримедонт, прибывшие из Афин на помощь войску Никия в Сицилию, считали необходимым прекратить осаду Сиракуз и, если не увести войско в Афины, то, по крайней мере, перенести стоянку в другое место. Никий, рассчитывая на истощение сил сиракузян и на готовность некоторых из них сдать город афинянам, категорически отказывался от отступления. Кроме того, Никий боялся понести наказание от афинян за отступление войска без их соответствующего решения. Затем, когда на помощь сиракузянам пришли дополнительные войска, набранные в Сицилии и на Пелопоннесе, Никий все же согласился отступить. Но когда все было готово к отплытию, произошло лунное затмение. «Большинство афинян, смущенное этим, требовало от стратегов подождать с отплытием, а Никий, придававший слишком большое значение предзнаменованиям и всему тому подобному, говорил, что и рассуждать нечего о том, чтобы двинуться раньше, как по прошествии двадцати семи дней» (Там же. VII, 50, 4), — это единственное упоминание Фукидидом суеверности Никия. Плутарх цитирует Фукидида, добавляя сообщение Пасифонта, что «Никий ежедневно совершал жертвоприношения богам и, держа в доме прорицателя, притворялся, что постоянно беседует с ним о делах общественных, в действительности же больше всего говорил с ним о собственных делах, главным образом связанных с серебряными рудниками» (Плутарх. Никий, 4).

¹ Powell C. A. Religion and the Sicilian Expedition // *Historia. Journal of Ancient History*. Wiesbaden, 1971. Bd. XVIII. Heft 1.1. Quartal. P. 23.

Однако в решении об отмене отступления Никием можно увидеть не результат страха его перед таким предзнаменованием и подчинение прорицателям, а использованием такой возможности — необходимость отсрочки отступления — для продолжения своей первоначальной линии: продолжать осаду, пока не иссякнут силы сиракузян. В таком случае Никий использовал религиозные воззрения афинских воинов (потребовавших повременить с отступлением), которые совпадали с его собственным уровнем религиозности, для достижения своей конкретной цели — отложить отступление. Подобный прецедент случился уже в ходе Пелопоннесской войны, но интерпретирован он был с противоположным значением. Плутарх рассказывает, когда войско, направляющееся во главе с Периклом на Эпидавр, вошло на корабли, произошло солнечное затмение, что привело в сильное смущение кормчего. Перикл же объяснил затмение рационалистически: поднеся к глазам кормчего плащ, Перикл заинтересовался, видит ли тот в этом что-либо страшное или предзнаменование чего-либо страшного (Плутарх. Перикл, 35). Конечно, можно увидеть в двух этих случаях поведение носителей разных типов мышления — религиозного и рационалистического,

но можно и констатировать факт интерпретации затмений и религиозного страха перед ними в свою пользу, в соответствии с необходимостью совершить военное мероприятие: в случае с Периклом — поход, с Никием — желание отложить отступление и продолжить осаду.

Относительно поведения демоса можно отметить следующее. То, что произошедшее накануне отправки экспедиции в Сицилию повреждение герм (а также другие дурные предзнаменования, перечисленные Плутархом) не заставило граждан отменить предприятие, может свидетельствовать, во-первых, об упадке религиозности в обществе в это время (упадок морали наблюдался во время разразившейся в Афинах чумы в самом начале войны, когда люди перестали уважать и божеские, и человеческие установления); во-вторых (об этом говорит Пауэлл) возможно, по представлениям древних греков самого намерения наказать виновных в религиозном преступлении достаточно было для того, чтобы отвлечь гнев божества до времени осуществления наказания¹. Если согласиться с предположением об упадке религиозности в обществе в это время, то становится непонятной реакция на лунное затмение большинства войска, потребовавшего отсрочки отступления, ведь теперь речь шла не о предстоящей, сулящей богатые трофеи и новые земли

¹ Powell C. A. Op. cit. P. 22.

экспедиции, идеей которой были все увлечены, а о спасении войска, подвергнутого реальной угрозе уничтожения, учитывая прибывшую помощь сиракузянам. Если же согласиться с предположением Пауэлла, то в такой суеверной реакции войска нет ничего неуместного и неожиданного.

А. И. Доватур замечает, что во время греко-персидских войн «на почве религиозных представлений вырос благоговейный ужас перед нечеловеческим могуществом персидского царя и на той же почве было найдено средство, способное поднять дух народа и внушить ему уверенность в победе над врагом»¹, а именно: Ксеркс своим стремлением играть роль, не подобающую человеку, вызывает зависть богов (*ftonos theon*) и должен погибнуть вследствие этой зависти. Доватур отмечает также, что эта концепция, основанная на старинных представлениях, «стала мощным идеологическим орудием в руках патриотически настроенных частей, слоев и кругов греческого народа»². Спустя почти 70 лет к этой же концепции прибегает и Никий, пытаясь поднять дух у преследуемого афинского войска. Никий говорит своему войску: «...мера счастья неприятеля исполнилась, и если походом своим мы возбудили зависть в каком-либо божестве, то за это понесли уже достаточную кару... Нам также теперь следует надеяться на милость божества, потому что теперь мы достойны не столько зависти, сколько жалости» (История. VII, 77, 4). Если согласиться с тем, что упадка морали и религиозности афинян в это время не наблюдалось, мы можем говорить, что упоминание Никием концепции зависти богов действительно могло поднять дух воинов, другое дело, что ко времени этого увещания Никия у афинского войска практически не осталось шансов на спасение.

Таким образом, влияние веры в богов Никия на принятие решений в ходе Сицилийской экспедиции характеризуют две ключевые позиции. Первая выражается фразой Фукидида — «а Никий, придававший слишком большое значение предзнаменованиям и всему тому подобному (*kai ho Nikias (en gar ti kai agan theiasmo te kai to toioyto proskeimenos)*). Такое толкование знамени давали предсказатели» (Там же. VII, 50, 4).

Вторая позиция, разъясняющая краткое заключение Фукидида, дана Плутархом: «...лунное затмение, сильно испугавшее Никия и тех из войска, которые вследствие невежества или суеверия были

¹ Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 119.

² Там же.

в страхе перед подобными явлениями... Они считали, что необычайное затмение исходит от божества (*ek theou*) (Плутарх. Никий, 23) и бывает перед какими-то несчастьями... Никий убедил афинян ждать следующего круговорота луны... Оставив без внимания все остальное, Никий совершал жертвоприношения и занимался гаданиями» (Там же. 24).

Обращает на себя внимание, что у Фукидида содержится противоречие между фразами «слишком большое значение придавал предзнаменованиям» (*agan theiasmo*) и «такое толкование давали предсказатели». Фукидид также сообщает, что «большинство афинян... требовало от стратегов подождать с отплытием» (История. VII, 50, 4). Подчеркнем последовательность Никия в исполнении религиозных требований. Вопреки стремлениям афинян, Никий намеренно запоздал, воспрепятствовав захвату серебряных и золотых сокровищ сиракузян, хранившихся в храме Зевса Олимпийского, чтобы не считаться виновником несчастья (*asebematos*) (Плутарх. Никий, 16), хотя он и рассчитывал на истощение денег у сиракузян.

Нельзя не заметить, что почитание Никием традиционных элементов «веры в богов», вероятно, благодаря фукидидовскому замечанию о слишком большом значении предзнаменований во взглядах Никия, воспринимается Плутархом как суеверие.

Итак, Никий — последовательный приверженец жертвоприношений, предсказаний, святости храма, как и большинство афинян. Он же сохранял и народное представление о «зависти богов».

Совокупность всех просчетов афинян, в том числе затмение и его религиозное истолкование, отсутствие полководческого таланта у Никия, его боязнь вернуться в Афины без постановления о том народного собрания привели к сицилийской катастрофе.